

АНАСТАСИЯ УГЛЕВА*

АПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА НИКОЛЯ ДЕ КОНДОРСЕ**

ОБРАЗОВАННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОСНОВАНИЕ
НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Получено: 22.01.2023. Рецензировано: 30.06.2023. Принято: 27.07.2023.

Аннотация: В статье анализируются революционные идеи Николая де Кондорсе, французского мыслителя XVIII века, в сфере общественного образования как фундаментальное основание политических и социальных преобразований современной ему Франции и одновременно как исключительный пример формирования народного суверенитета посредством конструирования уникальной научно-образовательной парадигмы, направленной на просвещение и воспитание граждан, способных к автономному суждению и социально ответственному действию. В основе предложенной им доктрины — не спекулятивное знание, а конкретизируемые в системе новых образовательных институтов концепты, воплощение которых способствовало преобразованию французской ментальности через эту систему и пониманию роли философского знания как общественно значимого инструментария, способного обеспечить этому обществу устойчивые основания для прогресса. И тот факт, что идеи Кондорсе были воплощены не только в родной ему Франции, но и далеко за ее пределами спустя 100–150 лет, служит свидетельством их плодотворности и значимости возвращения к их истокам в период очередного цивилизационного кризиса, который переживает сегодня как Россия, так и условный «коллективный Запад». Этот кризис проявляется прежде всего в мировоззренческих дилеммах и контрверзах, столкновении когнитивных парадигм, что требует осознания необходимости формирования новых образовательных моделей для воспитания нового типа человека как ответственного гражданина. Гражданское общество и свобода немыслимы для Кондорсе без просвещенности граждан и естественного неравенства, возникающего на основании разности способностей, талантов и личных заслуг.

Ключевые слова: Кондорсе, французское Просвещение, Французская революция, когнитивный суверенитет, народный суверенитет, народная инициатива, прогресс человеческого разума, меритократия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-50-78.

*Углева Анастасия Валерьевна, к. филос. н., PhD, доцент, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», augleva@hse.ru, ORCID: 0000-0002-9146-1026.

**© Углева, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Кондорсе обобщает в своей жизни почти все аспекты эволюции интеллектуальной жизни XVIII века и ее перехода от теории к действию.

А. Коуре

Реформы образования, которые сопровождают эпохальные политические события в современной России и на Западе, требуют осмысления их истоков и побуждают к тому, чтобы наконец решительно обратить внимание на значение научных исследований для формирования широко образованного, просвещенного общества, а также на основания и структуру образовательной парадигмы, благодаря которой общество воспроизводит новые элиты. Принципы свободы и ответственности, автономного суждения, немыслимые вне образованности и интеллектуальной состоятельности отдельного индивида, должны лежать в основании новой политической теории, формулируемой в целях определения национальных идентичностей и того, что можно назвать когнитивным суверенитетом отдельного человека, народа или нации. В осознании истинности этого утверждения может помочь история идей, которая дает несколько удачных примеров интеллектуального свободного преобразования нации через формирование общественной системы образования. В конструируемую в рамках этой системы модель высшего образования закладываются меритократические принципы формирования элиты, способной сформулировать положения новой политической доктрины. У истоков этой теории стоят конкретные философские идеи, переосмысление которых должно способствовать и пониманию актуального исторического момента, и тому, как стоило бы реконструировать новый социальный и политический порядок. Кажется, без формирования меритократии как власти достойных, где достоинство — это синтетическое единство таланта, труда и чести, не обойтись. Поэтому придется переосмыслить ценность и качественность образовательных моделей.

Так, один из наиболее показательных примеров — позднее французское Просвещение, когда, в частности, нетривиально мыслящий философ, значимый политический деятель, на десятилетия опередивший свое время, Николя де Кондорсе (1743–1794) продемонстрировал на собственном примере то, что в период между Просвещением и Империей был особый момент в истории французской мысли, когда идеи не были просто умозрительными, спекулятивными конструктами, а служили реальному преобразованию мира от старого порядка к новому. Это был

период царствования математических наук, а наряду с ними и «технического энциклопедизма». Практическая задача труда энциклопедистов, к числу которых принадлежал и Кондорсе, виделась в том, чтобы обосновать бытие в реальном мире, а не в мире вымышленных теоретических конструкций. Так, для энциклопедистов общей была идея прогресса, вера в почти безграничные возможности человеческого разума, способного к научным открытиям и техническим инновациям, радикальным образом меняющим не только формы общественного взаимодействия, но и само сознание человека. Совершенствование человечества, согласно Кондорсе, возможно лишь при условии приобщения каждого индивида к научному знанию, позволяющему ему эффективно использовать эти достижения в своей частной и гражданской жизни¹. При этом прогресс Кондорсе мыслит не исторически, а как результат рациональных усилий человечества, сопровождаемых верными математическими расчетами и эффективными юридическими практиками.

Заслуги Кондорсе, как часто бывает в истории, не оценили должным образом в современную ему эпоху, и их восприятие никоим образом не соответствовало его провидческому дару. Хотя он был связующим звеном между Просвещением и Революцией, его имя не вызывает в памяти большинства даже профессиональных историков ассоциаций с исключительными научными и практическими достижениями. Между тем Кондорсе — одна из тех редких личностей, которые, переходя от теории к действию, добились большого успеха в абстрактном построении новых принципов управления и в политической борьбе за их практическую реализацию. Он был последовательным республиканцем, активно публично высказывался за всеобщее избирательное право, права женщин, объявил вне закона смертную казнь и рабство, отстаивал систему всеобщего и бесплатного общественного образования (Vial, 1906; Coutel, 1999), изобрел политическую социологию, применив предмет статистики к методам

¹Кондорсе противопоставил свой проект социальному идеалу «Царства добродетели» другого республиканца М. Робеспьера. Этическая утопия Робеспьера заключалась в воспитании нравственно совершенных людей, жертвующих личным интересом ради общего блага, ведущих аскетический образ жизни, обладающих ограниченным набором знаний, безжалостных к себе и другим, допускающих террор как средство очистки общества «от всех нежелающих следовать требованиям добродетели» (Бовыкин и Чудинов, 2022: 216–217). Кондорсе фактически противопоставляет свое видение общественного образования и воспитания как национальной системы не только воззрениям Робеспьера, но и проектам большинства других его влиятельных современников: Руссо (1762), Мирабо (1791), Талейрана (1791), Рабо Сент-Этьена (1792), Ромма (1792), Ле Пелетье де Сент-Фарго (1793), Дону (1993) (см., напр., Kintzler, 1984).

избирательного права², предложил Франции самую демократическую конституцию во всей ее истории (Alengry, 1971: 244).

Кондорсе верил в возможность бесконечного совершенствования природы человека, как и его учитель А. Р. Ж. Тюрго³. Его система общественного образования должна была служить предпосылкой реального участия граждан в общественных делах. Почерпнув из работ своих учителей четкое и ясное представление о народном суверенитете как о единственно легитимном, Кондорсе превратил миф в реальность, разработав концепцию народной инициативы, в которой народный суверенитет⁴ был не просто формулой, но конкретным фактом, определяемым географически. Воспользоваться правом народной инициативы могут лишь хорошо образованные и просвещенные граждане, способные к самостоятельному ответственному суждению. Для этого требуется, согласно Кондорсе, реформирование системы общественного образования так, чтобы подобное суждение, высказываемое в публичном пространстве, было прагматическим и рациональным одновременно, основанным на знании наук и способности индивида соотносить свое представление об идеальном должном с реально должным. Важно подчеркнуть, что Кондорсе не руководствовался чисто прагматической задачей, а предпринял попытку сформулировать сильный тезис о свободе: для того чтобы она в принципе была возможна, чтобы ничто не могло ее ограничить, свобода нуждается в мастерстве, основанном на знаниях, а значит, истинная свобода может сосуществовать с определенным типом неравенства, основанном на личных талантах, способностях и заслугах.

Кондорсе исходит из следующих базовых положений. Во-первых, он воспроизводит картезианский парадокс о разрыве между логическим и политическим. Избирательное право — средство достижения истины или хотя бы приближения к ней, в ходе которого этот разрыв может

²Будучи профессиональным математиком, Кондорсе применил теорию вероятности к решению ряда моральных и политических задач, создав основу для социального прогнозирования. В частности, он разработал методику, позволяющую предвидеть результаты политических выборов, которая в дальнейшем легла в основу теории социального выбора (Ястребцева, 2015).

³Тюрго посвятил одну из своих лекций в Сорбонне «Рассуждению о всемирной истории», ключевые идеи которой Кондорсе воспроизвел в своем «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1795).

⁴В соответствии с разными версиями Декларации прав и обязанностей человека и гражданина суверенитет в 1789 г. принадлежал нации, в 1793 г. — народу, в 1795 г. — гражданам, что подчеркивает осознание необходимости просвещения каждого отдельного человека в интересах всего общества.

быть преодолен совместными усилиями математической и философской теорий. Во-вторых, валидность избирательного права непосредственно зависит от формы голосования и от степени просвещенности субъектов этого права, то есть законность принимаемых решений должна быть гарантирована как формой законов, так и степенью разумности тех, кто их принимает. Однако требование «разумности» к субъектам избирательного права входит в противоречие с теорией общественного равенства. В-третьих, рациональность голосующих субъектов зависит от степени их просвещенности, а значит, доступ к образованию должен быть гарантирован государством каждому. При этом просвещение может быть одновременно и средством, и препятствием для свободы. В-четвертых, система образования, порождающая неравенства, должна обеспечивать независимость субъектов принятия решения друг от друга, и в качестве фундаментального условия этой системы необходимо рассматривать некий общественный договор о согласии с основаниями такого неравенства, что требует разумного согласия граждан.

Четыре положения Кондорсе образуют схему его дальнейших размышлений о системе образования как об общественном институте, который гарантируется государством, но ему не подчиняется. Свою задачу французский политический деятель видел в том, чтобы выработать новую модель знания и связанную с ней концепцию гражданина. Целью новой системы общественного образования должны были стать производство и трансляция обоснованного знания, достигаемого в непосредственном опыте, лишённого догматизма и отсылки к какому-либо авторитету; знания открытого, не сводимого исключительно к его практической полезности; и знания освобождающего, ибо тирания и деспотизм всегда опираются на слепое невежество, тогда как знание должно не ослеплять, а просвещать и готовить его носителя к гражданской жизни. Гражданин — это независимый рациональный субъект, находящийся в подчинении лишь у собственного разума, обеспечивающего его возможностью самосовершенствования. При этом это совершенствование немислимо для Кондорсе вне моральной составляющей разумной природы человека, ибо в этике интеллектуальное самоуважение человека — это необходимое условие его свободы, братского отношения к другому и уважения достоинства личности как таковой. Несчастье тех, кто не смог реализовать себя, опасно для государства, ибо зависть и мстительность их будет направлена в итоге против тех, кто оказался достоин уважения благодаря своим способностям и интеллектуальным усилиям (Condorcet, 1757d: 213). Долг каждого — в самореализации посредством

совершенствования своих способностей, благодаря которому обеспечивается самоуважение, тогда как недовольство собой — самая горькая из человеческих страстей, проистекающая из осознания собственной неспособности достичь совершенства, которое было в пределах досягаемости. Без удовлетворения этого стремления к совершенству человек не способен уважать и достоинство других, а тот, кто способен в чем-то преуспеть, не имеет причин для негодования и зависти по отношению к другому. Равенство не бывает настолько совершенным, каковым оно может быть только среди совершенных людей, что, впрочем, не означает уравнивания их идентичностей. Как сказал бы Р. Декарт, две вазы могут быть разной вместимости, но, когда они полны, каждая из них имеет значение. Напротив, тот, кому не хватает собственной полноты, требует уравнивания всех во всем, но это равенство, построенное на внеморальных принципах и внутренней неудовлетворенности. В чем суть совершенства? Декарт назвал бы его проявлением добродетели, Кондорсе — максимально реализованным талантом, но и тот и другой говорят о власти собственного разума, расширении границ его применения в овладении собой прежде всего, что порождает щедрость и препятствует ненависти, открывает дорогу истинному братству, в котором достоинство каждого определяется его самодостаточностью, умением оптимально пользоваться собственными добродетелями.

Эту систему установок Кондорсе предваряет аксиоматическим утверждением, согласно которому только истинные решения — или хотя бы очень вероятные в своей истинности — могут быть легитимными⁵ и никакая другая власть не может быть противопоставлена человеческому существу, кроме власти истины. В этом смысле не существует никакого противоречия между логикой и этикой, ибо истина не может быть несправедливой.

Справедливость проявляется только там, где есть свобода. Невежество ведет к порабощению и делает свободу проблематичной, соответственно, общество, которое составляет невежественное большинство, не может быть справедливым. Будучи рабом своих предрассудков и страстей, злоупотребляя чужими заблуждениями и ошибками, апеллируя

⁵Идея о том, что вероятность может быть истинной в области жизненно важных решений, указывает на влияние, которое на Кондорсе оказал Декарт, призывавший искать наиболее вероятную гипотезу и следовать ей в отсутствие определенности. Однако у Кондорсе этот спекулятивный картезианский тезис становится более ясным благодаря тому, что используемая им математическая модель для определения вероятности правильности принимаемого решения позволяет исключить из процесса элемент случайности.

к непроверенным мнениям сомнительных авторитетов, человек слеп до такой степени, что прислушивается только к своим сиюминутным желаниям или указаниям хозяина. Нет никакого смысла давать ему справедливые законы, если он не умеет применять и защищать их, так как не знает им цены: «Человеческий род разделен на два класса: людей разумных и людей верующих, господ и рабов». У каждого рода людей есть свои потребности, и «необходимо провести соответствие между знаниями человека и его реальными нуждами» (Condorcet, 1757f: 393), чтобы определить, к какому из этих двух родов он относится. Это соответствие может изменяться, поскольку даже на базовом уровне общественного образования постоянно происходит усовершенствование знаний и увеличение потребностей, потому что чем более сложными и разнообразными оказываются технические средства, тем больше возрастает потребность в знаниях, их обеспечивающих (Condorcet, 1757d: 519). Наличие соответствующих компетенций есть одно из необходимых условий свободы. Только технических навыков при этом недостаточно: чтобы быть свободным, необходимо вырваться из-под власти любой конкретной воли, то есть укорениться в рациональности. Решимость, способность к солидаризации с другими, умение совершать осмысленный выбор, в том числе выбор политический, — это то, что предполагает такое укоренение, обеспечивает возможность человеку распоряжаться самим собой и лежит в основе всех других видов свобод, прежде всего свободы действия и говорения в публичном пространстве. Подчинение же чужой воле означает лишь возможность пользования правами, которые не были завоеваны самим субъектом действия, и потому мотивы их делегирования ему не ясны, а значит, и свобода остается для него преимущественно абстрактной.

При этом надо различать освобождение и свободу. Если первое — это завоевание свободы — в частности, посредством революции, — обретение гражданских прав, то свобода требует разумности и несовместима с насилием. То же самое относится и к народу⁶. Чтобы сделать народ свободным, способным к защите своих прав и эффективно исполняющим свои обязанности, необходимо побудить его к использованию своей разумной природы, то есть «сделать разум популярным». Разум

⁶Ср. с Руссо (Руссо, Хаяутин, 1998: 281), где он рассуждает о том, что с возникновением государства народ лишается естественной свободы, но взамен приобретает гражданскую свободу, а общественный договор, не зафиксированный никакими документами, призван обеспечить свободу и равенство. При этом народный суверенитет для него остается неотчуждаемым.

требует совершенствования и умения пользоваться им, а для этого необходимы особое побуждение, время и постоянное напряжение интеллектуальных сил. Тогда как «большинство граждан не имеет ни достаточной квалификации, ни свободного времени» (Бовыкин и Чудинов, 2022: 271), да и основания согласованности рациональных действий для них неочевидны. Поэтому народ нуждается в просвещенности, чтобы его освобождение привело к истинной свободе и его способности к согласованному суждению и действию в публичном пространстве.

Справедливый закон также нуждается в просвещенном народе, поскольку практическое применение разума делает его возможным. То же относится и к нравам. Никакое моральное суждение, сколь бы ясным и простым оно ни было, не может гарантировать чистоты добродетели. Нет ничего проще, чем развратить необразованного человека. Мораль деградирует там, где отсутствует напряжение разума и знание не поддерживает проявление добродетели. Знания иногда могут существовать без свободы и нравственности, но элементарное право и естественная мораль не могут обойтись без знаний (Condorcet, 1757d: 521–522). Коль скоро образование, право и мораль взаимно необходимы, следует признать и абсолютную необходимость просвещения.

Люди, пребывающие в невежестве либо потому, что сознательно пренебрегают интеллектуальными упражнениями, либо потому, что полагаются во всех обстоятельствах на тех, кого считают экспертами, рискуют потерять свою свободу (Condorcet, 1757f: 391–392). А это означает, что свобода, нравственность, справедливость приобретаются в процессе постоянных усилий, их суть может быть раскрыта лишь в ходе их трагического завоевания, то есть через напряженное познание. Человек, лишь рожденный в свободе, еще не является свободным, и уважение к личности другого не свойственно ему а priori. Можно знать о наличии права, но умение пользоваться им требует понимания. Невежественный человек хорошо говорит о своем праве, для него важен лишь собственный интерес, тогда как просвещенный человек понимает, что такое автономия субъекта, и способен распространить этот принцип не только на свои потребности, но и на потребности другого, то есть право — это всегда и обязанность.

Известно, что невежественный человек не заинтересован ни в чем, кроме своей независимости. Сила может сковать его, рабство — одурманить, суеверие — привести его в движение... Напротив, просвещенный человек, познавая свои права, учится также познавать их границы. Он знает, когда он должен

пожертвовать своей волей ради собственного счастья и благополучия других, иногда — пожертвовать собственным правом (Condorcet, 1785d: CLXXXVI).

Просвещение по определению есть благо, поскольку нравственность человеческих поступков, основанная на уважении к личности другого, это не просто результат спонтанного проявления доброжелательности (Руссо) и не формальный принцип, вытекающий только из долга, а не из склонности (Кант), но, согласно Кондорсе, интеллектуальный акт познания:

...просвещение облегчает добродетели, любовь к общему благу и даже смелость посвятить себя ему — это обычное состояние просвещенного человека. У невежественного человека справедливость — это всего лишь страсть, несопоставимая с кротостью; у образованного человека она — не что иное, как сама человечность, подчиненная законам разума (Condorcet, 1785b: 108).

Кондорсе, таким образом, выступает против обскурантизма, видения в невежестве позитивного начала для эффективной политики; его следует искоренять как вредоносную идеологию деспотизма, на чем французский мыслитель не раз настаивал в своих выступлениях во Французской Академии, полемизируя с Руссо и ключевыми положениями его «Рассуждений о науках и искусствах» (1750). Неграмотный человек легко соблазняется прихотью грамотного, ибо вынужден слепо доверять ему и легко прощает злоупотребление этой доверчивостью. Даже наличие элементарных навыков чтения и письма не защищает его от шарлатанов, выдающих ложь за истину. Именно поэтому Кондорсе полагал, что в правовом государстве, в котором устанавливается справедливое равенство всех перед законом, невежественный человек не в состоянии пользоваться своими правами с той же выгодой, что и тот, кто знает и понимает закон. Как говорит Кондорсе, всегда можно отменить право ради пользы, но если уж законы допускают свободу, то пусть все знают свои права и учатся соблюдать их, ибо вера в то, что хорошие законы сами по себе способны уравнивать в правах невежественного с просвещенным и лишить его предрассудков, — это заблуждение (Condorcet, 1757c: 82).

Невежественный человек склонен к фанатизму, мстительности, угнетению и насилию над другим, от чего подчас готов испытывать даже удовольствие, подобно свирепому зверю, склонившемуся над своей жертвой (Condorcet, 1785c: 218). Фигура невежества, устанавливающая связь между рабом и его тираном, опасна именно потому, что раб слеп и по этой причине угнетен, а тиран слишком невежественен, чтобы понять,

что свобода, закон и справедливость были бы для них обоих более выгодны, ибо подавление разумного в человеке провоцирует его на жестокость. Истина основана на правильном и выгодном всем расчете, который строится на признании универсального права и универсальной морали.

Правы были древние философы, указывающие на связь между справедливостью (добром) и истиной. Подобно тому как «порок обычно проистекает из невежества» (Descartes, 1970: art. 160), добродетель проистекает из правильного мышления. В своей переписке с королем Пруссии Фридрихом II Кондорсе отмечает, что чем серьезнее принимаемое в ходе общественного голосования решение, тем больше ограничительных следствий оно будет иметь для естественного права, а значит, тем более строгой должна быть форма голосования и участвовать в нем должно подавляющее большинство граждан (Condorcet, 1785d: XVI). Так, например, если на голосование вынесен вопрос о смертной казни, имеющей необратимый характер и лишаящей обвиняемого его естественного права на жизнь, то решение должно приниматься с максимальной гарантией его виновности. Коль скоро это невозможно, то сам принцип смертной казни следует рассматривать как несправедливый:

Любая ошибка в суждении является проявлением подлинной несправедливости, если она не вытекает из самой природы вещей и вызвана волей законодателя (Condorcet, 1785a: 147).

В том же духе рассуждал повлиявший на Кондорсе Декарт, сформулировавший в «Страстях души» (1649) два важных принципа: во-первых, не следует сожалеть о ложном решении, если в момент его принятия оно было наилучшим образом обосновано; во-вторых, всегда есть основания сожалеть о принятом решении, если оно было принято исходя из принципов, которые могли содержать ошибку, и если человек готов нести ответственность за допущенную ошибку. Таким образом, добродетель и справедливость заключаются в том, чтобы следовать наилучшему возможному рассуждению, доступному нашему рассудку в момент принятия решения. Как справедливо заметил Наполеон в своих юношеских набросках, «рассуждать — это сравнивать» (цит. по Кротов, 2021: 278). И действительно, рассуждение предполагает выявление альтернативных позиций и выработку наиболее обоснованного мнения. Расчету в этом смысле не чужды ни нравственность, ни справедливость.

Чтобы демократия могла быть реализована, она должна удовлетворять идеальному условию возможности, а именно — каждый должен быть достаточно образован, чтобы, принимая участие в голосовании,

выносить суждения, вероятность истинности которых должна быть выше $\frac{1}{2}$. Хотя это именно идеальное условие, ибо в мире, по убеждению Кондорсе, царят невежество и тупость, вследствие которых утверждается величайшее удобство для просвещенного деспотизма. Тем не менее «истина всегда полезна для народа, и, если народ совершает ошибки, всегда полезно их исправить» (Condorcet, 1785c: 248). Правовая эпистемология Кондорсе направлена, таким образом, на определение идеальных условий возможности человека, голосующего при республиканской форме правления, поскольку в отличие от той же просвещенной монархии республика призвана не только просвещать, но и гарантировать прогресс и свободу в их взаимосвязи для всех без исключения граждан, а не лишь для меньшинства избранных.

Вослед Руссо Кондорсе пишет:

Слишком многочисленные собрания могут осуществлять власть с пользой только в первоначальном общественном состоянии, при котором равное невежество делает всех людей в схожем смысле просвещенными (Condorcet, 1785d: xxv).

Ценность этой гипотезы в том, что она демонстрирует равенство как необходимое условие любой формы демократии и любого большого собрания. Для Кондорсе, как и для Руссо, представление о естественном состоянии — это вымысел, и, даже если оно способно сформировать справедливое представление о вещах, оно все равно остается ограниченным теоретической образностью. Неслучайно, как пишет Руссо, естественное состояние очень быстро исчезает и на его место приходит технико-экономическая зависимость между людьми, уступающая, в свою очередь, место невыносимому и примитивному состоянию войны, из которого можно выйти только путем достижения гражданского состояния. Также и Кондорсе полагает, что абсолютное невежество — естественное состояние человека, преодоление которого возможно следующим образом:

Многочисленные собрания по-прежнему могли бы иметь место там, где благодаря прогрессу просвещения существовало бы великое равенство между умами как в отношении правильности выносимых ими суждений, так и в отношении истинности самих принципов, которыми они руководствуются, — только при этом условии многочисленные собрания имеют шанс принимать мудрые законы или менять плохие (ibid.: xxv–xxvi).

Для того чтобы избежать технического или интеллектуального рабства, необходим прогресс, агентами которого являются не конкретные

люди, а абстрактные единицы, носители определенных идей. Они символизируют интеллектуальное движение или событие, представляя собой в полном соответствии с замыслом «Энциклопедии» концепт, так или иначе связанный с науками, искусствами, технологиями. Об этом же писал Д'Аламбер в предисловии к третьему тому «Энциклопедии», говоря о генеалогии наук, обязанных человеческим талантам. Кондорсе продолжает эту мысль, утверждая, что прогресс — это не прогресс человека, а прогресс абстрактного человеческого рода, человеческого разума (или духа). Именно поэтому прогресс наук и искусств не всегда сопровождается прогрессом нравов, он не ведет с необходимостью ни к счастью, ни к добродетели. И нужно различать прогресс разума как накопление знаний, как совершенствование методов их обнаружения и производства и прогресс индивидуальных человеческих способностей. Последний — константа: со временем способности человека не претерпевают существенных трансформаций, на практике люди не становятся ни умнее, ни искуснее. Прогресс — это совершенствование интеллектуальных и технических средств, которыми люди располагают, которые они наследуют, совершенствуют и транслируют новым поколениям. Поэтому «человеческий разум» не является ни эмпирической, ни психологической реальностью, но является реальностью эпистемологической — совокупностью процессов, связанных с накоплением и совершенствованием знаний (Condorcet, 1757b: 39–40).

Чем больше человеческий дух будет открывать новых истин, тем больше он окажется способным сохранять и объединять их. Это бесконечное совершенствование нашего рода — общий закон природы (Berg, 2019: 113–131).

Прогресс человеческого разума, таким образом, иногда вполне может сосуществовать с декадентством, пороками и даже террором. И он всегда имеет дело с реальными объектами и не обладает трансцендентной сущностью. В этом смысле Кондорсе вряд ли стоит относить к теоретикам прогресса XVIII–XIX вв., ибо его теория не носит исторического характера, но имеет индикативное значение и предполагает свои программу, сроки и план. Это именно проект, а не спонтанный неконтролируемый процесс, от его реализации зависит будущее всего человеческого рода. Народ, который не стремится к научно-техническому прогрессу, неизбежно впадает в рабство и регрессирует.

Кондорсе, конечно, рассуждает как математик и физик. Все происходит так, будто на «массу истин» влияет коэффициент приращения. Вместе с ней возрастает мощь науки и техники, а с ней — и власть

человечества над миром. Под человечеством имеется в виду абстрактный «народ», масса приобретенных им истин — это свидетельство его интеллектуальной мощи.

Свобода, равенство, хорошие законы имеют необходимым следствием повышение общественного благосостояния за счет расширения возможностей действия. Это благосостояние порождает привычку к выработке новых потребностей и к увеличению численности населения. Таким образом, если благосостояние не будет постоянно наращиваться, общество впадет в состояние страдания. Однако у способов достижения благосостояния есть свои границы: если сопровождающее их просвещение не сделает людей более сильными, то общественный прогресс станет причиной гибели человечества. Вместе с тем прогресс полезных искусств очень ограничен, если его не поддерживает научный прогресс... Таким образом, прогресс в моральных и физических науках необходим, чтобы общество имело шанс достичь стадии постоянного процветания (Condorcet, 1757d: 518–519).

Такое процветание немислимо без гражданской свободы, возможность которой Кондорсе, как последовательный картезианец, не мыслит вне свободы познающего субъекта, вырывающегося, продираясь сквозь сомнения, из-под власти предрассудков и навязанных ему «истин». Последняя виделась ему в том, чтобы осознать могущество собственного разума, вести осознанную борьбу против «злого гения» ради высвобождения собственной сущности, подтверждения автономной агентности независимого человеческого субъекта. Это освобождение должно стать личным делом каждого индивида, а не быть навязанной политической властью необходимостью.

В «Правилах для руководства ума» Декарт также подчеркивал, что сам акт понимания и преодоления ошибочного суждения в его рациональной универсальности — это дело частного разума. *Uno intuitu* — акт понимания, в котором проявляется сопричастность единичного общему и одновременно суть радикального разрыва с ним. Есть вещи, которые каждый индивид должен постичь самостоятельно, и никакая общая педагогика не в силах пробудить его от «сна» или заставить коллективное Я увидеть истину в ее полноте. Понимание всегда индивидуально. В этом смысле гражданская свобода у Кондорсе неотделима от понимания философской свободы у Декарта, то есть от картезианского индивидуализма. При том гражданское общество должно быть построено по принципу «объединения ученых в универсальную республику наук» (Condorcet, 1757b: 521), в которой каждый исследователь не только стремится к открытию в своей отдельной области знания,

но и всегда заинтересован в том, чтобы ответственно и компетентно общими усилиями профессионалов соединять свои открытия с открытиями в других науках во имя не только постоянного приращения знания, но и практической его применимости, что должно обеспечить интерес к науке со стороны как можно большего числа людей. При этом истинная междисциплинарность исключает некомпетентность, то есть такой синтез должен порождать новое научно обоснованное знание, а не превращать научное познание в дилетантизм. Поэтому, в частности, Кондорсе считает ошибкой доверять просвещение нового гражданина существующим педагогическим корпорациям, претендующим на отражение и трансляцию некоего универсального, почти сакрального знания абстрактной общей воли (Condorcet, 1757e: 16g), или религиозным сообществам, которые в XVIII в. отличали и наличие единой доктрины, и стремление к власти, и дух общности.

Своего рода героизация индивида, предпринимающего частное усилие для познания истинного, заставляет Кондорсе обратить внимание на личность преподавателя. Он находится на службе государства, и у него не должно быть иного средства работы с аудиторией, кроме разума и закона. То есть он может быть зависим только от Республики и тех целей, которые определяют его деятельность на службе государству, а не на службе корпоративным целям конкретного педагогического или просветительского сообщества. Это не отменяет его принадлежности к корпусу государственных служащих внутри того или иного образовательного учреждения, но определяет ее характер. От социальных условий зависим процесс познания, и в этом обнаруживается расхождение Кондорсе с Декартом, у которого и акт сомнения, и само познание всегда обусловлены индивидуально, а у Кондорсе субъективные условия познания во многом определяются объективными обстоятельствами. Эпоха революционных преобразований требовала не только индивидуального героизма, но и сплоченности социума в выработке общественных мер борьбы с невежеством с опорой на индивидуальные предрасположенности. То есть речь уже не может идти об аскетическом стремлении частного разума к очищению и устранению условий возможных ошибочных суждений, но речь идет об экстериоризации индивидуальности, расширении ее возможностей до размеров всего социума, заключении нового общественного договора, в котором разум обретает форму множественного числа. При этом Кондорсе остается рационалистом в духе классиков в том смысле, что всю свою жизнь он боролся против интуитивного знания, апелляции к чувствам при

принятии общественно значимых решений, энтузиастического рвения как формы обскурантизма, ибо спонтанность опасна для тех, кто от нее страдает, и унижительна для тех, кто ею руководствуется. Он ставит легитимность решения большинства в зависимость от теоретических и научных упражнений индивидуального разума.

Кондорсе пишет:

Долг общества заключается в предоставлении всем желающим средств для получения знаний: их они могут приобрести только благодаря силе своего интеллекта и времени, которое (Condorcet, 1757c: 8).

И если хоть кто-то сможет доказать, что был лишен доступа к просвещению по вине государственной власти, тогда государство будет нести ответственность за то, что лишило его свободы. Но как государство может выполнить это обязательство без принуждения, без ограничения свободы, что и должно делать эту обязанность законной? Как совместить требование равенства с полнотой обучения? Следует ли отдать предпочтение праву каждого на доступ ко всем циклам обучения или же ограничиться необходимым образованием для каждого вне зависимости от способностей, талантов и потребностей человека? В первом случае это было бы нарушением гражданского права, во втором — естественного. «Мемуары об общественном образовании» Кондорсе полны примеров антиномий, с которыми такая система неизбежно сталкивается и которые она должна разрешить, чтобы не стать машиной угнетения.

Для Кондорсе теория конституционно гарантированных свобод не может существовать без философской концепции свободы. Это относится и к гражданской свободе, поскольку она поддерживается за счет рациональной автономии, посредством которой субъект осуществляет свою суверенизацию. Чтобы стать свободным, гражданину нужно предпринять определенные усилия и проявить мужество, но героизм не входит в число его повседневных обязанностей. Очевидно, что такого рода героизм — удел немногих, и им требуется социальная поддержка. А поскольку со стороны Республики было бы противоестественным полагаться на гений немногих, чтобы накопить интеллектуальный капитал, необходима государственная поддержка в развитии образовательных механизмов: обеспечение всеобщего начального образования, популяризация знания с помощью публичных просветительских мероприятий, расширение доступа к библиотечным ресурсам и возможностей для культурного просвещения граждан через театры, консерватории, музеи и т. п. Кондорсе прямо заявляет, что государство не может оставаться

нейтральным в данном вопросе и от способов его администрирования процесса общественного просвещения зависит, станет ли оно «рассадником просвещения и гения» или пустыней для интеллектуалов.

Самообразование граждан необходимо для процветания государства, но его недостаточно, ибо самоучка зачастую заинтересован в количественном приращении знания, он нередко бывает широко эрудирован, но плохо ориентируется в причинно-следственных связях, потребляет информацию некритично и несистематично, что ведет к большой потере времени и неэкономному расходованию интеллектуальных сил. Такой порядок приобщения к знанию не может, согласно Кондорсе, вести к истинной свободе, ибо само по себе просвещение обеспечивает только возможность свободы, поэтому оно не должно полностью зависеть от «доброй воли» отдельных граждан. Даже если знание желательно и полезно, свобода не может быть следствием случайности или колебаний истории, а значит, общественное образование должно быть институционализировано. Чтобы избежать дискриминации в отношении граждан, в частности, в их доступе к просветительским ресурсам, всеобщее образование должно быть обязанностью государства. И поскольку свобода связана с автономным осуществлением разума, то институционализированная передача знания не должна ограничивать реализацию уникальных личных способностей и талантов индивида. Иначе настоящим идеалом интеллектуального героя может стать именно самоучка, который, используя лишь естественную, от природы ему данную силу собственного разума, способен сохранить свою автономию как высшую добродетель.

Образование граждан должно предполагать систематическое освоение уже известных истин и пробуждение плодотворных усилий для получения нового знания. На уровне высшего образования должны быть учреждены, по убеждению Кондорсе, академии и научные сообщества с целью создания условий для новых открытий, тогда как сами академии «не открывают ничего нового, гений действует в одиночку. Научные сообщества полезны для наблюдений и указания направления исследований», и они должны сопротивляться всякого рода идеологическим устремлениям самодержавного правительства (Condorcet, 1757a: 371–372).

Создание института общественного образования и просвещения — задача государства, это правовой способ осуществления взаимодействия между индивидом и системой знания. Однако как разрешить антиномию, в которой наука противостоит власти? Кондорсе полагает, что

если есть противостояние между наукой и властью, то его нет между наукой и правом, ибо регулирование их взаимоотношений в сфере знания должно быть основано на принципе разделения властей и строгого следования закону. Ни у какой власти не должно быть монополии на знание и его организацию. Правовой институт необходим для свободно-го функционирования эпистемы точно так же, как законы гарантируют существование и осуществление свобод. Заявлять, что в сфере знания любой институт плох, равносильно требованию возврата к абсолютной свободе в гражданской сфере. Институт плох только тогда, когда он противоречит той или иной конкретной воле или когда он не соответствует общепризнанной концепции закона.

По мнению Кондорсе, наиболее полезная правовая мера, способствующая независимости просвещения, — создание инстанций эпистемологических решений, то есть закон должен возложить ответственность за организацию знаний и контроль за их преподаванием на власть научного типа — власть разума. Кондорсе исходит из принципа кооптации, полагая, что только ученое сообщество вправе принимать решение о критериях отбора в его состав новых членов; определение содержания образования на низших ступенях должно осуществляться теми, кто реализует его на более высоких уровнях, в силу того что общее должно определять частное и в основе новой общественной системы образования должны лежать принципы рационализма и академизма (Condorcet, 1757d: 213). Такую задачу, по мнению Кондорсе, должно решать Национальное общество наук и искусств, то есть Академия, действующая не в политических интересах, а в интересах самого знания (Углева, 2015: 40).

Кондорсе особенно подчеркивает важность философии как обязательной дисциплины в системе общественного образования, поскольку она обучает постоянному обоснованному рассуждению, ничего не запрещая, апеллируя к универсальному характеру знания, а не к частному верованию, при этом она выполняет и гражданскую функцию — обучение гражданина служению своему обществу и государству благодаря наличию у него не номинальной, а реальной свободы, к которой он подготовлен путем регулярного обучения автономному ответственному суждению в меру своей природной способности и права получения такого образования, то есть образование должно быть не обязанностью, но осознанной необходимостью для эффективного осуществления гражданских задач, проявляющихся прежде всего в эффективном участии

в укреплении и сохранении национального суверенитета, обеспечиваемого в том числе суверенитетом когнитивным. Система образования, таким образом, должна формировать субъекта права.

Кондорсе выступает с решительной критикой выборности преподавательского состава или его назначения властями. Единственный критерий для него — эпистемологический: только личные заслуги в науке, признаваемые научным сообществом, должны определять место конкретного ученого в образовательной системе. И его позиция должна быть постоянной, а ее изменение возможно лишь при нарушении норм уголовного права. Ученикам также не может быть делегировано право влиять на кадровую политику каким-либо образом. Спрашивать ученика о его мнении в данном вопросе означало бы, убежден Кондорсе, формирование неэтичного академического пространства, открытого для лести, подкупа и благосклонности. Такая система была бы унижительной для преподавательского сообщества, стремящегося к благосклонности учеников, но также унижительна для ученика, который, начав пользоваться в собственных интересах предоставленным ему правом, тратил бы больше сил на эти вредные привычки, нежели на достижение истины просто в силу своей природной склонности. Разум же повелевает учить тому, что разумно, а не тому, что нравится; преподаватель призван служить гражданскому обществу, а не стремиться завоевать расположение учеников. Из чего следует необходимость исключить какие-либо источники финансирования труда преподавателей, кроме государственного фонда (Condorcet, 1757e: 214), и не допускать к преподаванию в рамках новой системы образования тех учителей, которые уже состоят в педагогических корпорациях, преследующих собственные интересы (Condorcet, 1757c: 169). В этом Кондорсе, очевидно, следует за трактатом «Об общественном договоре» Руссо (1752), который показал, как образование политических ассоциаций может приводить к разрушению общей воли. Поэтому каждый преподаватель должен быть максимально независимым от других, но оставаться в высшей степени зависимым от закона. Никто и ничто не должно вмешиваться в само содержание и методы его преподавания, определение которых может относиться только к компетенции науки.

Образцом общества просвещенных граждан для Кондорсе служила «республика ученых» с присущим ей набором идей, убеждений и прак-

тик⁷. Он разделял ценности, лежащие в основе этого идеального общества, не знающего политических границ и религиозных разногласий. Это сообщество единомышленников, сообщество равных, суверенная и универсальная организация, основанная не на праве рождения или благосостояния, а на индивидуальных талантах и личных заслугах. Это сообщество отличает градация интеллектуального порядка и сильное аристократическое чувство, выражающееся в яростном сопротивлении вульгарности, шарлатанству и псевдоучености. Знание в нем — не личная заслуга, а общее дело, *laus propria* уступает в нем место *publica utilitas*, или *bonum publicum*. Далекая от чистого созерцания и нацеленная на развитие и распространение знаний «республика ученых» призвана служить прогрессу и спасению человеческого рода⁸, ибо наука — это прогрессивная конструкция, основанная на коммуникации и кооперации.

Ученое сообщество, как его описывает Кондорсе, представляет собой элиту, составленную из людей, превосходящих других своей просвещенностью, приобретенной благодаря личным способностям и заслугам. Ученые — это «служители истины», поиск истины для них — это высшая цель. Именно поэтому в третьем «Мемуаре» Кондорсе призывает ученое сообщество предпринять усилия для написания педагогических трудов,

⁷И это не случайно, поскольку Кондорсе сам был полноправным членом научного сообщества, его научные труды по математике очень рано принесли ему известность. Кондорсе стал членом Академии наук в возрасте всего 26 лет, а в 1776 г. — ее бессменным секретарем. Он развернул на этой должности столь масштабную деятельность, что вскоре его начали воспринимать как главного представителя официальной науки во Франции. В 1774–1776 гг. он инициировал ряд проектов по реорганизации науки, прежде всего региональных научных сообществ. Кондорсе состоял в личной переписке с ведущими учеными-математиками не только Франции, но и всей Европы: Лагранжем, Паоло Фризи, Альфонсо Бонфиоли Мальвеззи и Эйлером.

⁸Кажется неслучайным это убеждение Кондорсе, которое отражало умонастроение многих его современников не только во Франции. Так, в Германии в «Идеях внутреннего устройства Эрлангенского университета» (1806) Фихте пишет, что немецкая нация может существовать только в форме «республики ученых» и что нет смысла говорить о такой республике вне национальных и университетских рамок. Университет должен рассматриваться как организация, способная выйти за пределы существующих немецких государств и на основе национального языка и рекрутинга подготовить более высокое политическое единство. В этом отношении немаловажно, что Фихте, ставший ректором Берлинского университета, в своей речи от 6 февраля 1811 г. говорил о федерации [Bund], представляя университет как «образ совершенного государства»; и Фихте не ограничивался простой автономией научной сферы по отношению к политической власти, он предполагал, что политические разногласия Германии в итоге могут быть преодолены этой федерацией интеллектуального мира.

которые были бы воспоминанием о человеческом духе, его взлетах и падениях, его успехах в искусстве, в литературе, в науках, в философии; это позволило бы улучшать человеческий разум, наблюдая за его достоинствами и недостатками в исторической перспективе, — такая работа необходима для просвещения человечества. Однако она должна представлять собой не простой перечень достижений человеческого разума, всех приобретенных им знаний, но арсенал, в котором новый гений мог бы благодаря пытливости своего ума обнаружить способы получения новых знаний. Одновременно во «Фрагменте об Атлантиде» Кондорсе сетует на отсутствие картины уже достигнутых истин, при первом взгляде на которую можно было бы увидеть современное состояние каждой из наук, проблемы, на решение которых стоило бы теперь направить свои усилия, чтобы способствовать развитию этих наук, а не повторять бесконечно давно утратившее свою актуальность старое. То есть речь идет не об истории наук, а именно об «исторической картине прогресса человеческого разума». Такая картина могла бы быть органично вписана в длительную традицию *historia literaria*, о которой мечтали Бэкон и Лейбниц. Именно поэтому по своему предназначению «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» по праву был возведен в ранг «национального памятника» (Waquet, 1989: 566).

Причем от «литературной республики» Бэкона, Бейля, Ньютона, Лейбница, которая виделась им нацеленной на раскрытие тайн природы, расширение возможностей человека и сферы его деятельности, «республику ученых» Кондорсе отличало стремление к достижению счастья людей. И потому, в отличие от своего учителя Тюрго, он не видел в историческом прогрессе свидетельств раскрытия «тайн провидения», в его светском мировоззрении больше не было ни Бога, ни трансцендентности, а был только человек и его разум. И миссию науки Кондорсе видел в том, чтобы направлять человека «на путь истины, добродетели и счастья», стремиться к совершенствованию человека на земле (*ibid.*: 568).

В отношении политического между двумя республиками — «литературной» и «республикой ученых» — также есть существенное отличие. Как отмечал Р. Козеллек, хрупкое равновесие установилось во времена П. Бейля, когда ученый разум согласился с абсолютизмом власти, которая могла гарантировать ему некоторое спокойствие, не нарушаемое волнением простолюдинов, и обеспечить ему полную свободу мысли в обмен на конформизм. Но уже следующее поколение, подвергнувшее государство критике, явным образом подчеркнуло этот разрыв

между человеком и субъектом действия (Waquet, 1989). Кондорсе не отказывается от элитарности научного сообщества, ибо в самой основе человеческого рода лежит сущностное разделение: «Одни предназначены для обучения, другие — для веры» (Condorcet, 1757b: 301). Но Кондорсе стремился снять эту двойственность человеческого существа, соединив элитарность и демократизм так, чтобы элитизм ученых не превращался в их авторитаризм, при этом он подчеркивал необходимость активной роли научного сообщества в политической жизни. Автономия академического мира, его суверенитет должны сопровождаться также реализацией им социальной миссии.

Предложенные Кондорсе меры имели отношение не к сохранению автономии самой науки, но к стремлению гарантировать внутренней организации общественного образования невмешательство со стороны государства и отсутствие контроля со стороны какой-либо политической или идеологической силы. Однако, чтобы не допустить монополии общественного образования и извращения первоначального замысла внутри самой его структуры, по мнению Кондорсе, целесообразно развитие альтернативной системы образования. Такую альтернативу может составить свободно организованное и отличное от общественного образования частное высшее образование, в результате чего национальные учреждения высшего образования — прежде всего университеты — будут вынуждены как минимум поддерживать уровень общественного образования не ниже частного, что будет предохранять их от ошибок и способствовать самоцензуре (Condorcet, 1757d: 509). Такая естественная конкуренция будет благоприятствовать и прогрессу, поскольку в ней каждая сторона будет стремиться к компенсации своих недостатков, что способствует не только повышению качества образования, но и воспитанию граждан. Новый гражданин морально не воспитан, чтобы следовать законам предыдущего поколения: он лишь научно проинструктирован, чтобы иметь возможность думать и голосовать в соответствии с современными ему законами. Тогда как воспитание нацелено на решение вопроса социального равенства и свободы: граждане не могут быть свободными, если они не обладают не только навыками чтения и письма, но и навыками, необходимыми для поддержания истинной демократии, нужной, в свою очередь, для выражения гражданской воли.

При этом преподавание морали также должно быть основано, согласно Кондорсе, на убеждении посредством аргументов и наблюдений, выявлении причин явлений и исключать религиозные воззрения какой-либо конкретной секты. Моральное образование должно «освободить

от всякого рода ограничений и авторитетов, от всех религиозных или политических цепей» (Condorcet, 1757e: 122–123). Конечно, любое общественное или национальное образование так или иначе опирается на собственные традиции, которым свойственны определенные предрассудки, в том числе религиозного характера, однако задача государства заключается в гарантии того, что ничто не будет навязываться в процессе обучения — никакая теория, в том числе подкрепляющая государственную политику или способствующая частным интересам отдельных социальных групп.

Однако частное образование не должно составлять полноценную альтернативу общественному, чтобы не превратиться в пособника угнетения. Для этого частные заведения не должны быть широко распространены и обучение в них должно быть привилегией, особым правом, основанным на исключительных способностях гражданина, его личных заслугах, его трудолюбию. Оно также должно быть открыто для всех вне зависимости от происхождения и финансовых возможностей, но его прерогативой должно быть обучение наиболее сложно организованному знанию и знанию прикладному, необходимому для успешного существования государства и прогресса человеческого разума в отдельных отраслях экономики. Такое образование должно быть привилегированным, но обусловленным не финансовым недостатком или преимуществом происхождения обучающегося, а его личными талантами и заслугами⁹. Исключение социальных привилегий не ведет с необходимостью ко всеобщему равенству, но порождает естественное неравенство, при котором различия между людьми определяются природными способностями и трудолюбием. Чем более сложным образом организовано

⁹Именно Кондорсе вдохновил Ж. Лаканалья и аббата А. Грегуара на разработку идеи и создание ряда республиканских Высших школ в целях распространения новых истин и методов среди лучших умов — людей, способных как распространять эти истины во всех частях Франции, так и способствовать их преумножению. Обучение в Высших школах должно было содействовать изменению мышления и формированию интеллектуальных привычек, необходимых для того, чтобы следовать за ходом истории. Для обучения в Высших школах до сих пор осуществляется тщательный отбор лучших на основании личных талантов и способностей. Вместе с тем они стали воплощением идеи Ж.-Ж. Руссо об обучении через опыт («Эмиль, или о воспитании», 1762) и о практическом применении науки к решению проблем реального мира (Высшая инженерная школа Парижа, Высшая школа коммерции, Национальная Школа мостов и дорог и др.). Высшие школы предполагают сложные конкурсные процедуры при поступлении и высокое качество преподавания (подробнее о системе Высших школ во Франции и их современном состоянии см. Marty & Amirault, 2020).

новое знание, чем больше интеллектуальных усилий оно требует, чем больше будет прогрессировать человеческий разум, тем более глубоким будет это различие между теми, кто смог освоить лишь элементарные знания и навыки, и теми, кто смог подняться на вершину социальной иерархии. Очевидно, что во имя свободы и прогресса в итоге будет усиливаться неравенство самих возможностей. Это неизбежное следствие прогресса, который должен способствовать просвещению нации, защите ее от порабощения. Абсолютное же равенство возможно лишь в условиях всеобщего невежества.

Возникает своего рода парадокс свободы, когда приобретаемая свобода должна согласовываться с неравенством, ее обеспечивающим, а именно с разумным признанием каждым естественной дифференциации на основе личных способностей и заслуг как условия обеспечения всеобщего благополучия. Когда каждый человек просвещен в меру своих способностей и при этом достаточно для ответственной реализации своих гражданских функций во имя общего блага, справедливо, чтобы некоторые люди имели доступ к более высоким уровням знаний, требующим большей систематизации, концептуализации и творчества, и, соответственно, доступ к более высоким позициям в социальной иерархии. Кондорсе постоянно подчеркивает естественность этого различия и его существование в интересах всех, ибо оно требует улучшения природы каждого ради его освобождения, гарантия которого должна быть обеспечена государством:

Далеко не всегда превосходство некоторых людей является злом для тех, кто не получил таких же преимуществ, это будет способствовать благу всех; таланты, а также просвещение станут общим достоянием общества (Condorcet, 1757c: 62).

Равенство и дифференциация — это два взаимозависимых понятия: принцип различия питается принципом равенства, поскольку именно в нем заключается сама возможность формирования меритократического общества на основании индивидуальных талантов и заслуг, что должно стать, согласно Кондорсе, предметом нового общественного договора. По сути, Кондорсе говорит об инвестициях в человеческий капитал как об условии общественного прогресса, хотя сам термин «человеческий капитал» он не использует и такого рода инвестицию рассматривает в принципе как рискованную, но необходимую для экономического и научно-технического прогресса. Ответственность государства за развитие индивидуальных талантов гарантирует соблюдение

принципа равенства, ведь если бы у всех без исключения детей не было возможности пользоваться преимуществами образования настолько широко, насколько позволяют их собственные способности, сам институт равенства был бы профанирован (Condorcet, 1757c: 62). Вместе с тем поддержка государственной властью развития человеческого потенциала выявляет соображения экономической полезности, которые согласуются с приоритетом уважения к естественным правам человека. Причем естественные права наделяются содержанием без какой-либо отсылки к их божественному происхождению, основываются они исключительно на когнитивных способностях человека и на том факте, что человек — это чувствительное и разумное существо (Rieusau, 1997: 270).

Однако само по себе равенство вторично, ибо оно в принципе невозможно без свободы. Если для Руссо равенство составляло условие достижения гражданской свободы, Кондорсе утверждает, что малейшее посягательство на свободу гражданина в системе общественного образования способно привести к тирании, то есть к политическому неравенству. Поэтому доступ к этой системе должен быть равным для всех, но к высшему образованию он должен быть ограничен способностями личности так, чтобы это было полезно как для того, кто его получает, так и для того, кто его не получает. Такая благоразумно устроенная система должна быть предметом нового общественного договора, который способен примирить юридическое равенство с фактическим неравенством. Правильное, то есть разумное распределение массы как необходимых для гражданской жизни каждого знаний, так и знаний избыточных среди меньшего числа граждан обеспечивается принципом справедливости равенства и справедливости же распределения знания, который составляет суть естественной морали.

Ни одному гражданину не должно быть отказано в более высоком уровне образования, но справедливость неравенства, обусловленного различием способностей, полезна всем, поскольку оно способствует лучшей организации гражданского состояния, в чем проявляется явное наследие Д. Юма в творчестве Кондорсе. Вместе с тем полезность высшего знания, доступного немногим, у Кондорсе, в отличие от шотландского мыслителя, не сводится к обеспечению всеобщего благосостояния гражданского общества. В противном случае трудно было бы объяснить, почему Кондорсе так сопротивлялся обоснованию содержания знания соответствием его какой-либо социальной модели. Образование не подчинено для него политике интеллектуального производства,

ориентированной на технологии и социальную полезность. Предпочтение следует отдавать теоретическому обучению, полезность которого проявится сама собой, ибо ориентирование на прикладное знание уничтожит истинное просвещение как таковое в процессе реализации этой ложной идеи полезности, обусловленной конкретными обстоятельствами, изменчивыми по своей сути. Фундаментальные научные исследования должны предварять технические инновации. Технический прогресс невозможен без научного прогресса, а акцент на научной образованности граждан важен еще и потому, что образование должно быть основано на достоинстве и уважении к тому, кого образуют, а это значит, что гражданину в ходе обучения должно предлагать что-то кроме «ложной полезности» и чисто прагматических целей. Таким образом, тезис Кондорсе о полезности знания основан на более глубоком его философском обосновании.

Идеи Кондорсе были радикальны для его времени¹⁰. Известно, что республиканская теория вполне уживается с двумя прямо противоположными позициями, по-разному обосновывающими необходимость включения каждого гражданина в общественную жизнь. Одни «республиканцы» растворяют единичное в общем и требуют обязательного начального образования для всех для сохранения единства нации (Ж. Букье) посредством исключения интеллектуализма и растворения единичного во многом, другие (Н. де Кондорсе, Ж. Ромм), напротив, не верят ни в какую общность, но видят смысл в собрании частных, где частное — это каждый отдельно взятый просвещенный гражданин. Нация для последних — это единство юридических атомов, в которых она черпает свою силу и легитимность, и сила этого единства — в праве каждого на превосходство и разумное согласие с тем, что если гражданин сознательно отказывается этим правом воспользоваться в силу ли естественной ограниченности его способностей или в силу иных субъективных оснований, то это не делает общество неравным. При

¹⁰О Кондорсе вспомнили в конце XIX века, когда Ж. Ферри учредил национальную начальную школу, будучи вдохновленным именно идеями французского мыслителя о бесплатном, обязательном и светском начальном обучении (Condorcet, 1757e: 125–126; Углева, 2015). В связи с празднованием двухсотлетия Французской революции (1989 г.) во Франции было издано несколько французских книг о его влиянии на образование и политику. Именно в это время прах Кондорсе перенесли в Пантеон (такой чести удостоивали только величайших исторических личностей) в присутствии тогдашнего президента Фр. Миттерана и положили рядом с прахом Грегуара и Монжа. Когда некоторые философские труды Кондорсе были переведены на английский язык, произошло увеличение числа его читателей и его международное признание сильно выросло.

этом начальное образование обязательно для всех, согласно Кондорсе, и должно быть построено так, как если бы оно было единственным, а значит, оно должно иметь своей целью формирование рационального и автономного субъекта действия. Свобода и народный суверенитет — это всего лишь абстракция, если они не обеспечены возможностями каждого в достижении истины.

ЛИТЕРАТУРА

- Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В.* Французская революция. — М. : Альпина нон-фикшн, 2022.
- Кротов А. А.* Наполеон и философия. — СПб. : Владимир Даль, 2021.
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты / под ред. Н. Д. Баньковской, Н. Д. Саркитова, А. Ф. Филишова ; пер. А. Д. Хаяютина. — М. : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
- Углева А. В.* Политика и пайдейя. Республиканский проект общественного образования // История философии. — 2015. — Т. 20. — С. 25—45.
- Ястребцева А. В.* Интерпретация Кондорсе теории вероятности : О применении математического конструкта к области социального действия // Кантовский сборник. — 2015. — Т. 4, № 54. — С. 52—64.
- Alengry F.* Condorcet, guide de la Révolution française, théoricien du droit constitutionnel et précurseur de la science sociale. — Genève : Slatkine Reprints, 1971.
- Berg P.* The Birth of the Idea of Perfectibility : From the Enlightenment to Transhumanism // Russian Journal of Philosophical Sciences. — 2019. — Vol. 62, no. 4. — P. 113—131.
- Condorcet N. de.* Cinquième Mémoire // Oeuvres complètes. En 21 t. Т. 9 / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1757a.
- Condorcet N. de.* Esquisse d'un Tableau Historique des Progrès de l'Esprit Humain // Oeuvres complètes. En 21 t. Т. 8 / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1757b.
- Condorcet N. de.* Oeuvres complètes : en 21 t. / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1757-1808.
- Condorcet N. de.* Premier Mémoire // Oeuvres complètes. En 21 t. Т. 9 / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1757c.
- Condorcet N. de.* Rapport et projet de Décret sur l'organisation générale de l'instruction publique // Oeuvres complètes. En 21 t. Т. 9 / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1757d.
- Condorcet N. de.* Seconde Mémoire // Oeuvres complètes. En 21 t. Т. 9 / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1757e.
- Condorcet N. de.* Sur la nécessité de l'instruction publique // Oeuvres complètes. En 21 t. Т. 9 / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1757f.

- Condorcet N. de.* Au Roi de Prusse, 2 mai 1785 // Oeuvres complètes. En 21 t. T. 10 / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1785a.
- Condorcet N. de.* Discours à l'Académie française, 21 février 1782 // Oeuvres complètes. En 21 t. T. 10 / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1785b.
- Condorcet N. de.* Dissertation philosophique et politique ou réflexions sur cette question : s'il est utile aux hommes d'être trompés // Oeuvres complètes. En 21 t. T. 10 / sous la dir. de P. J. G. Cabanis. — Paris : Fuchs, 1785c.
- Condorcet N. de.* Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendues à la pluralité des voix. — Paris : L'Imprimerie royale, 1785d.
- Coutel C.* Condorcet, instituer le citoyen. — Paris : Michalon, 1999.
- Descartes R.* Les Passions de l'âme. — Paris : Vrin, 1970.
- Kintzler C.* Condorcet. L'instruction publique et la naissance du citoyen. — Paris : Minerve, 1984.
- Marty O., Amirault R.* Nicolas de Condorcet and the Revolution of French Higher Education. — Dordrecht : Springer, 2020.
- Rieucan J. N.* Nature et diffusion du savoir dans la pensée économique de Condorcet : thèse de doctorat / Rieucan J. N. — Helsinki : Université de Paris I, 1997.
- Vial F.* Condorcet et l'Éducation démocratique. — Paris : Librairie Paul Delaplane, 1906.
- Waquet F.* Qu'est-ce que la République des Lettres? Essai de sémantique historique // Bibliothèque de l'école des chartes. — 1989. — T. 147. — P. 473-502.

Ugleva, A. V. 2023. "Apologiya chelovecheskogo razuma Nikolya de Kondorse [The Apology of the Human Mind by Nicolas de Condorcet]: obrazovannoye obschestvo kak osnovaniye novogo politicheskogo poryadka [An Educated Society as the Foundation of a New Political Order]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (3), 50–78.

ANASTASIYA UGLEVA

PHD IN PHILOSOPHY, ASSOCIATE PROFESSOR

SCHOOL OF PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
"HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS" (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-9146-1026

THE APOLOGY OF THE HUMAN MIND

BY NICOLAS DE CONDORCET

AN EDUCATED SOCIETY AS THE FOUNDATION
OF A NEW POLITICAL ORDER

Submitted: Jan. 22, 2023. Reviewed: June 30, 2023. Accepted: July 27, 2023.

Abstract: The article analyzes revolutionary educational ideas of French thinker of XVIII century Nicolas de Condorcet as a fundamental basis of political and social transformations of modern France and at the same time as an exceptional example of popular sovereignty formation through the construction of a unique scientific and educational paradigm aimed at educating and raising citizens capable of autonomous judgment and socially responsible action. At the heart of the doctrine, he proposed — not speculative knowledge, but concepts concretized in the system of new educational institutions, the embodiment of which contributed through this system to the transformation of the French mentality and understanding of the role of philosophical knowledge as a socially significant tool capable of providing this society a sustainable basis for progress. And the fact that Condorcet's ideas were embodied not only in his native France but also far beyond its borders 100–150 years later is evidence of their fruitfulness and the importance of returning to their origins during another civilizational crisis, which both Russia and the conventional "collective West" are experiencing today. This crisis manifests itself first and foremost in worldview dilemmas and counter-verses, in the clash of cognitive paradigms, which requires an awareness of the need for new educational models to educate a new type of person as a responsible citizen. For Condorcet, civil society and freedom are inconceivable without the enlightenment of citizens and the natural inequalities that arise from differences in abilities, talents, and personal merit.

Keywords: Condorcet, French Enlightenment, French Revolution, Cognitive Sovereignty, Popular Sovereignty, Popular Initiative, Progress of the Human Mind, Meritocracy.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-50-78.

REFERENCES

- Alengry, Fr. 1971. *Condorcet, guide de la Révolution française, théoricien du droit constitutionnel et précurseur de la science sociale* [in French]. Genève: Slatkine Reprints.
- Berg, P. 2019. "The Birth of the Idea of Perfectibility: From the Enlightenment to Transhumanism." *Russian Journal of Philosophical Sciences* 62 (4): 113–131.
- Bovykin, D. Yu., and A. V. Chudinov. 2022. *Frantsuzskaya revolyutsiya [The French Revolution]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Al'pina non-fikshn.

- Condorcet, N. de. 1757–1808. *Oeuvres complètes* [in French]. Ed. by P. J. G. Cabanis. 21 vols. Paris: Fuchs.
- . 1785. *Essai sur l'application de l'analyse à la probabilité des décisions rendues à la pluralité des voix* [in French]. Paris: L'Imprimerie royale.
- Coutel, Ch. 1999. *Condorcet, instituer le citoyen* [in French]. Paris: Michalon.
- Descartes, R. 1970. *Les Passions de l'âme* [in French]. Paris: Vrin.
- Kintzler, S. 1984. *Condorcet. L'instruction publique et la naissance du citoyen* [in French]. Paris: Minerve.
- Krotov, A. A. 2021. *Napoleon i filosofiya [Napoleon and Philosophy]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Marty, O., and R. Amirault. 2020. *Nicolas de Condorcet and the Revolution of French Higher Education* [in French]. Dordrecht: Springer.
- Rieucou, J. N. 1997. "Nature et diffusion du savoir dans la pensée économique de Condorcet" [in French]. PhD diss., Université de Paris I.
- Rousseau, J.-J. 1998. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty [Traité(s)]* [in Russian]. Ed. by N. D. Ban'kovskaya, N. D. Sarkitov, and A. F. Filippov. Trans. by A. D. Khayutin. Moskva [Moscow]: KANON-press / Kuchkovo pole.
- Ugleva, A. V. 2015. "Politika i paydeyya. Respublikanskiy proyekt obshchestvennogo obrazovaniya [Politics and Paideia. Republican Project of Public Education]" [in Russian]. *Istoriya filosofii [History of Philosophy]* 20:25–45.
- Vial, Fr. 1906. *Condorcet et l'Éducation démocratique* [in French]. Paris: Librairie Paul Delaplane.
- Waquet, F. 1989. "Qu'est-ce que la République des Lettres? Essai de sémantique historique" [in French]. *Bibliothèque de l'école des chartes* 147:473–502.
- Yastrebtseva, A. V. 2015. "Interpretatsiya Kondorse teorii veroyatnosti [Condorcet's Interpretation of Probability Theory]: O primenenii matematicheskogo konstrukta k oblasti sotsial'nogo deystviya [On Using a Mathematical Construct in the Field of Social Action]" [in Russian]. *Kantovskiy sbornik [Kantian Journal]* 4 (54): 52–64.